

определенного несоответствия норм уголовного закона, когда преступным признается вовлечение несовершеннолетних в употребление любых психоактивных веществ (ст. 151 УК РФ), а при достижении ими совершеннолетия уголовную противоправность сохраняют только те действия, предметом которых являются наркотики, к тому же, если квалификация умышленного причинения тяжкого вреда здоровью личности в виде заболевания наркоманией или токсикоманией не зависит от вида использованных при этом веществ. Поэтому закономерно возникает вопрос: почему не предусмотрен уголовный запрет и в отношении склонения к потреблению таких же психоактивных веществ? Более того, если установлена уголовная ответственность за незаконные действия с любыми видами формально определенных веществ, то трудно понять причину отсутствия адекватной криминализации их использования при склонении к их потреблению.

Полагаем, что исключение из ч. 3 ст. 230 УК РФ указания на «иные тяжкие последствия» позволит устранить неопределенность при квалификации склонения по признакам применения насилия, хотя и не снимет все вопросы, обусловленные содержательным рассогласованием признаков тяжкого вреда здоровью в виде заболевания наркоманией или токсикоманией и тех же последствий при склонении к потреблению наркотиков.

Список использованных источников

1. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 // Бюллетень Верховного суда РФ. – 2006. – № 8.

2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. – 7 изд., доп. и исп. – М., 2009.

Е. В. Анисимов, г. Новосибирск

К вопросу о характерных криминалистических признаках организованной преступности в структуре незаконного оборота наркотиков

Криминалистическая характеристика организованной наркопреступности приобретает всё большую востребованность в сфере правоприменителей. Раскрывая общее и частное в деятельности преступных формирований, криминалистика позволяет экономить значительное количество сил и средств в борьбе с наркоугрозой.

В своей монографии В. К. Гавло и М. А. Неймарк верно отмечают, что криминалистическая характеристика преступлений содержит сведения об особенностях деятельности по совершению отдельных видов и групп

преступлений, является информационной базой о механизме, способе подготовки, совершения и сокрытия преступления, о личности преступника и ином, создавая своеобразный фундамент знаний о преступлении, необходимый для организации и определения направления расследования на этапах как предварительного, так и судебного следствия [4, с. 17].

Информация, содержащаяся в криминалистических характеристиках различных групп общественно-опасных деяний, используется для успешного решения задач уголовного судопроизводства, главным образом для повышения эффективности раскрытия и расследования преступлений. Организованная преступность в сфере незаконного оборота наркотиков для криминалистов представляет особый интерес.

Преступным наркоформированиям «...полностью присущи все признаки организованной преступности: стабильная корыстная деятельность, имеющая не только межрегиональный, но и международный характер; разветвленная и дифференцированная организационно-управленческая структура с распределением функций (ролей); глубокая конспирация, наличие собственной разведки и контрразведки; система внешних (международных), в том числе коррумпированных связей; стремление к монопольному распределению своего незаконного влияния (воздействия), общие денежные и иные средства и т. п.» [2, с. 29-30].

Определение понятия организованной преступности предлагалось учеными в области криминалистики, уголовного права, криминологии, уголовного процесса. Формулируя данное определение, авторы исходили из таких понятий, как «преступная деятельность», «преступная организация».

Например, В. М. Быков определяет преступную организацию как «антиобщественное объединение людей на основе совместной преступной деятельности, представляющее собой малую неформальную группу, определенным образом организованную и выступающую как единый особый субъект деятельности» [3, с. 14].

Так, Ф. В. Глазырин пишет, что «под организованной преступностью понимается устойчивое объединение ряда преступных групп в преступное сообщество для совместной криминальной деятельности, достижения власти в определенной сфере» [5, с. 30].

Криминалистическая характеристика всех видов преступлений, совершаемых организованной преступной группой, структурно практически ничем не отличается от аналогичной характеристики любого единоличного или простого группового преступления.

Как отмечает В. И. Куликов, наиболее значимые криминалистические сведения о таких преступлениях заключены в данных о предмете преступного посягательства, наиболее характерных чертах способа, механизма и обстановки их совершения, своеобразии структуры организованной преступной группы и типологических чертах ее членов [5, с. 117]. Также В. И. Куликов выделяет ряд черт, по которым чаще всего удается выявить в расследуемом деянии почерк

преступной организации [5, с. 119]. В связи с этим можно выделить следующие признаки:

- дерзость преступного деяния по тщательной его продуманности, обеспеченности средствами достижения преступной цели;
- возможность его осуществления лишь с разделением ролевых функций лицами, входящими в организованную преступную группу или при коллективной подготовке;
- наличие следов и иных материальных последствий совершенных деяний, указывающих на высокую техническую оснащенность и вооруженность его исполнителей, доступную только членам организованной преступной группы (использование преступниками подслушивающих устройств, радиопередатчиков, милицейской формы);
- характер направленности преступного деяния и выбор объекта посягательства, обеспечивающего получение высокого дохода при обоснованной пассивности потерпевших для организации, понесшей материальный ущерб от преступления;
- необходимость отмыwania полученных в результате совершенных преступлений денежных средств и имущества;
- наличие оперативно-розыскных данных, указывающих на связь данного деяния с деятельностью организации, находящейся под контролем;
- специфическое поведение на следствии задержанных лиц, совершивших расследуемое деяние (наглость, заpiresательство);
- частое отсутствие свидетелей или их полная неосведомленность, неискренность потерпевших;
- срабатывание защитных средств организованной преступной группы (опережающие действия преступников, давление на следователя со стороны влиятельных лиц).

К этому открытому перечню автор с уверенностью добавляет и такие черты, характерные для наркоформирований, как:

- межрегиональные и международные «деловые» контакты;
- коррумпированные связи;
- наличие легального (как правило, мало доходного) бизнеса;
- владение дорогостоящим имуществом, предметами роскоши;
- незаконный оборот наркотиков. Для отдельных этнических групп который является одобряемым способом извлечения прибыли.

Как правило, дальнейшее развитие сообщества, прошедшего стадию становления организованного преступного, без коррумпированных связей становится просто невозможным. Это объясняется наличием, как правило, значительной сети сбыта наркотиков, участники которой периодически попадают в поле зрения сотрудников правоохранительных органов и вынуждены предпринимать меры для избежания уголовной ответственности.

В сфере незаконного оборота наркотиков связь организованной преступности с должностными лицами правоохранительных органов играет роль дополнительных гарантий безопасности организованной

преступной группы. В своей монографии Ю. Л. Бойко отметил, что, совершая корыстно-насильственные преступления, такие лица используют профессиональные знания, навыки и возможности, активно противодействуют процессу раскрытия и расследования преступных деяний, нередко опережая правомерные действия своих коллег [1, с. 5].

Наркопреступности, больше чем другим направлениям организованной преступной деятельности, свойственны следующие признаки:

а) иерархическая и многозвеньевая структура криминальных формирований, включая строгое подчинение групповой дисциплине и указаниям организатора;

б) организационная стабильность наркообъединения;

в) заблаговременная подготовка, планирование и квалифицированное совершение преступлений;

г) функциональная дифференциация членов преступного объединения (распределение ролей между ними, в том числе при подборе и вербовке соучастников);

д) наличие прочных связей, базирующихся на строгой самоорганизации, высоком уровне конспирации и противодействии;

е) продуманная подготовка средств реализации и сбыта наркотиков;

ж) устойчивая направленность на создание коррумпированных связей в правоохранительных и государственных органах;

з) четкая система действий, связанных с незаконными операциями с наркотиками;

и) монополизация устремлений на поставленные цели;

к) острая конкуренция и соперничество, существующие между отдельными формированиями наркомафии наряду с преступными контактами и взаимодействием, нередко принимающие формы вооруженных столкновений и физического уничтожения из-за раздела и передела рынков сбыта [2, с. 36].

Следует отметить, что в настоящее время в структуре незаконного оборота наркотиков прослеживается два уровня организованной преступности. Первый, низший уровень, – преступная организация с ограниченной сферой преступной деятельности. Ограничения могут касаться видов совершаемых преступлений, например, преступные организации, занимающиеся сбытом наркотиков в розницу. В таком сообществе существует четкое распределение ролей, но наличие коррумпированных связей преступников не является обязательным признаком. Второй уровень преступных организаций, занимающихся поставками крупных партий наркотиков, в том числе их производством и контрабандой, обуславливается наличием коррумпированных связей в широких масштабах.

Список использованных источников

1. Бойко Ю. Л. Особенности методики расследования корыстно-насильственных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел: монография / Ю. Л. Бойко, В. К. Гавло; под. ред. В. К. Гавло. – Барнаул: Алтайский гос. ун-т, Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2009.
2. Брылев В. И. Противодействие наркопреступлениям: криминалистические и процессуальные аспекты: монография / В. И. Брылев, И. И. Фуражкина; под ред. В. И. Брылева. – Краснодар, 2004.
3. Быков В. М. Преступная группа: криминалистические проблемы / В. М. Быков. – Ташкент, 1991.
4. Гавло В. К. Проблемы теории и практики расследования хищений денежных средств в сфере банковского кредитования: монография / В. К. Гавло, М. А. Неймарк. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009.
5. Куликов В. И. Основы криминалистической теории организованной преступной деятельности / В. И. Куликов. – Ульяновск, 1994.

А. А. Бакин, г. Санкт-Петербург

**Криминологические аспекты противодействия
незаконному обороту наркотических средств среди лиц,
обучающихся в высших учебных заведениях**

Российское общество на протяжении последних десятилетий подвергалось всевозможным реформам, которые разрабатывались и осуществлялись властью в различных социально-политических и экономических условиях. При этом зачастую не проводилось достаточно серьезных и всесторонних исследований объективной реальности, в результате чего научная база реформ была весьма слабой, что отрицательно сказывалось на выработке научно обоснованной внутренней политики государства, в том числе и в молодежной сфере. Отечественные криминологи видят негативные последствия «либеральных» реформ в усиливающейся аномии, в социальной напряженности, в межэтнических и межконфессиональных конфликтах, в катастрофическом росте алкоголизации и наркотизации среди широких слоев населения [8, с. 3; 9, с. 3-5].

По мнению И. И. Аминова, изучение общественного сознания убедительно свидетельствует об утрате молодыми гражданами страны доверия к власти, к социальным институтам. В современной молодежной субкультуре доминирует стремление к достижению быстрого психофизиологического комфорта посредством бегства от реальной жизни. Ценностные ориентации, демонстрируемые и активно пропагандируемые средствами массовой информации (с их агрессивностью, вседозволенностью, открытым отрицанием морали), отражают скорее деструктивное поведение асоциальной личности, а не гармоничного человека, настроенного на созидание [1, с. 50-51].